

Глава 2. Таинственный портрет брата

Небо Нью-Йорка начинало темнеть, играя чудесными красками. Розовые и апельсиновые оттенки были перемешаны, чтобы подарить нам чудесное зрелище, на которое почти никто не обращал внимания. Для меня лучшим временем суток были сумерки... Я созерцала закаты из любого уголка, даже если это был самый асфальтовый центр города. Это время суток обладало магией, которая очаровывала меня и заставляла путешествовать в другие миры, позволяя моему мощному воображению развиваться, как я это делала вместе с Уиллом, когда мы были детьми. Он научил меня мечтать и наслаждаться этими маленькими моментами, самыми мельчайшими деталями. Он наслаждался летними грозами, и я была рядом с ним. Уилл также сопровождал меня, чтобы доставить мне удовольствие, любясь неповторимыми закатами. И те закаты, что мы делили с Уиллом, были самыми лучшими в моей жизни. Теперь остались одни воспоминания...

Мои шаги все еще были медленными, возможно, из-за того, что я не очень хотела добраться быстрее до дома, мне хотелось отложить предстоящий разговор с Томасом. Я чувствовала себя неудачницей, которая после четырех попыток не смогла родить ему ребенка. И что хуже всего... я не хотела проходить через это снова. Никогда больше. Я приняла решение: я не буду матерью. Возможно, я не была рождена для этого.

Остановившись на несколько минут посреди Пятой авеню, я перестала смотреть на небо и устремила взгляд направо. Я находилась возле дома № 1048, напротив Новой галереи, в которой в тот день выставлялись портреты художников и писателей начала девятнадцатого века. Я до сих пор не знаю, что привело меня сюда: моё собственное любопытство или воспоминание о страсти Уилла к литературе.. Людей было очень мало, два человека смотрели на старый портрет. Эта выставка почти никого не привлекала.

Галерея была небольшой, и эта выставка была исключением, которое можно было увидеть только в этот день. В Новой галерее обычно выставляли дизайнерские работы, украшения и живописные произведения искусства из Германии; не портреты людей, которые выращивали мальвы в течение многих лет.

Первым портретом, который я увидела, был портрет художника Альфреда Сислея, который прожил шестьдесят лет с 1839 по 1899 год. Этот художник-импрессионист родился в Париже и был специалистом по пейзажам и сценам на открытом воздухе, написанными маслом по ткани. Я заметила пронизательный взгляд его светлых глаз, густые золотистые волосы и аккуратную бородку, из-под которой выглядывали пухлые губы. Он излучал спокойствие и уверенность в себе... он немного напомнил мне Томаса. Я продолжала идти. Рядом с портретом Альфредом висел портрет писательницы, о которой я не слышала. Её звали Роуз Мэри Брукс, она писала под псевдонимом АРЛЕКИН. Писательница родилась в Нью-Йорке в 1808 году и умерла в возрасте тридцати трех лет в 1841 году. Взгляд её зеленых глаз внушал уважение. Её черные волосы были собраны в пучок, типичный для того времени, на ней была одежда сдержанных и темных тонов. Похоже, у него была нелегкая жизнь, выражение её лица было грустным и усталым. По-видимому, она написала лишь три очень популярных в свое время любовных романа под названием "Роза ветров", "Чужие несчастья" и "Неопределенное прошлое", о которых, к сожалению, мы забыли в наши дни. Мне было жаль бедную Роуз Мэри... у нее не было времени насладиться плодами успеха, ими воспользовались лишь другие... Мрачный Жнец был несправедлив к ней.

Рядом с Альфредом и Роуз Мэри было еще больше несуществующих гениев. Художники, которые дали то, что лучше всего они проявили себя в своих работах, используя цвета,

воплощенные на холсте, или слова, написанные на бумаге, которые в большинстве случаев сохраняются во времени. Ограничено время для их авторов ... обычных смертных существ, чьи работы сделали бы их вечными. Я думала о страданиях каждого из них, об истощении, которое они наверняка испытывали, когда были еще живы, а также о тех маленьких радостях, которые в конце жизни оказываются важными... Я узнала об этом от своей отсутствующей матери. Она унесла с собой в могилу восхищение миллионов неизвестных читателей которые любили её романы ужасов и презирали её собственных детей, не проливших ни единой слезы на её похоронах. Дороти, она взяла с собой свою заветную пишущую машинку, а также прощение детей, которые покинули ее

живот и игнорировали на протяжении всей своей печальной жизни. Я искренне надеялась, что там, где она сейчас была, можно спокойно отдохнуть.

Я поняла, что жизнь-это загадка, когда моя экскурсия по маленькой выставке подходила к концу. Я всегда верила в магию, но до этого момента судьба не показывала ее мне. Случайная встреча с моей второй половинкой на несколько минут парализовала меня. На последней картине выставки появилось лицо Уильяма... моего Уилла. Он сидел на старом, изношенном кресле с зеленой обивкой. Но это было не то имя писателя, которое значилось на табличке. Крупными золотыми буквами было написано: СКОРПИОН. Это был псевдоним, который он использовал на протяжении всего своего литературного пути. Правда заключалась в том, что мало что было известно о таинственном писателе, который опубликовал свои романы в период с 1808 по 1813 год; и из-за которых сегодня боролись коллекционеры и читатели классических произведений, одержимые ими. Небесно-голубые глаза СКОРПИОНА пристально смотрели на меня... такие одинаковые с моими, такие знакомые, почти прозрачные... но в этой живописной работе, они не были такими грустными, как в последний раз, когда я видела их пять лет назад.

На этом портрете я увидела живые глаза, как будто они хотели крикнуть миру, что "я - счастливый человек, нашедший свое место в жизни..." то, чего Уилл всегда страстно желал... Его пухлые губы улыбались мне, как в детстве. И его светлые волосы, зачесанные назад, были точно такими же, как у Уильяма, хотя он всегда носил их взъерошенными. Это был он. Это был Уилл, но... это не мог быть он. И вдруг-воспоминание. Укол в сердце. Где я видела это имя? СКОРПИОН...СКОРПИОН ... оно эхом отдавалось в моей голове. И тогда я вспомнила. Уильям читал этого СКОРПИОНА каждый час. Он потратил целое состояние на приобретение коллекционного издания, которое ему привезли из Берлина. Что, если его убили, чтобы получить это издание, которое, очевидно, было таким особенным и желанным?

- Мисс... мисс....

Я продолжал пристально смотреть на СКОРПИОНА. И в сотый раз за этот день слезы снова хотели хлынуть из моих глаз. Я вытерла слезы и продолжала стоять как загипнотизированная перед портретом этого человека, живым образом моего брата. Это был мой брат! Но этого не могло быть, потому что его, как и всех нас, кто стоит на твердой почве и считает себя в некоторой степени вменяемыми, не существовало в начале девятнадцатого века.

- Мисс... мисс....

Я посмотрела на высокую стройную женщину, которая уже давно привлекала мое внимание. Я слышала ее с самого начала, но мне не хотелось отводить взгляд от СКОРПИОНА.

—Мы закрываемся через пять минут, —продолжала говорить она, поглядывая на старинные настенные часы в иллюминаторе 1880 года.

- Конечно... сейчас я ухожу.

—Вы не будете искать коллекционное издание СКОРПИОНА? —спросила женщина, поправляя серебряную оправу своих круглых очков, пристально глядя на меня с любопытством.

—Да, конечно. Меня это очень интересует, —солгала я.

- О, я должна сказать вам, что много лет назад я была в Берлине. В качестве любопытного факта скажу вам, если вам интересно, что его автор оставил письменное завещание, в котором прямо указывалось, кому должно быть адресовано это издание.

- Каким образом? —спросила я озадаченно.

—В 1813 году автор оставил письменное завещание, в котором...

—Это я поняла, —резко прервала я ее. Вы хотите сказать, что в письме указывалось, кому должно быть адресовано это коллекционное издание?

—Так и есть.

—А вы, случайно, не знаете, кому?

Женщина рассмеялась, как будто то, что она спросила, было самой большой глупостью, которую она слышала за долгое время.

—Этого никто не знает, мисс. Это все загадка. А теперь, если вы простите меня,...большое спасибо, что пришли.

Она открыла мне дверь, приглашая очень элегантно выйти из Новой галереи . Выходя на улицу, я не могла оторвать взгляда от портрета СКОРПИОНА.

Была уже ночь, и внезапный озноб пробежал по моему телу, заставив меня почувствовать себя очень странно.

<http://tl.rulate.ru/book/77502/2333942>